

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мелочи сыска

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Мелочи сыска / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

В Москве объявилась необычная воровская шайка. Какие-то залетные парни дерзко грабят квартиры богатых людей, но работают чисто, почти интеллигентно, не оставляя после себя никаких следов. Очередной их жертвой стал известный театральный актер Белинков. Грабители обчистили его квартиру практически полностью, забрав вещей на полмиллиона долларов. И опять никаких следов. Почти никаких. Только лежала на полу сломанная ветка какого-то экзотического растения. Что ж, для знаменитого сыщика Льва Гурова и эта мелочь – улика...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов Алексей Макеев Мелочи сыска

Глава 1

– Бедненький полковник Гуров! – со вздохом сказала Мария. – Представляю, как ему будет нелегко провести целых три часа в относительно культурном обществе! Ни тебе звона наручников, ни крепкого мужского словца, ни мрачных типов с бритыми затылками... После таких впечатлений любой спектакль покажется пресным – тут я совершенно с тобой согласна. Но все-таки учти – сегодня в главной роли занята твоя жена, а это чего-то да значит, верно? И как занята! Даже театральные обозреватели из Парижа и Лондона...

Несмотря на ироничность тона, в словах жены без труда угадывались упрек и досада. Гуров прекрасно понимал, какие чувства должна испытывать одна из лучших актрис страны, видя достаточно сдержанное отношение супруга к своему искусству. Последний спектакль, в котором она играла главную роль, имел бешеный успех не только в Москве – он действительно вызвал резонанс в европейской театральной прессе. И тем не менее Гуров до сих пор не нашел времени посмотреть этот спектакль, хотя с момента премьеры прошло уже два месяца и Мария устала задавать один и тот же вопрос: «Сегодня вечером ты наконец свободен?»

Ни одного свободного вечера Гуров так и не выкроил. Он был занят расследованием дела о тройном убийстве и работал так напряженно, что даже не всякий раз ночевал дома. Теперь дело было закончено и свободное время появилось, но, откровенно говоря, Гурову меньше всего хотелось сейчас в театр – он бы с большим удовольствием предпочел всласть поваляться на диване или выпить пива вместе со своим напарником Стасом Крячко, но понимал, что жена этого не поймет.

– Прости, дорогая, но ты меня, наверное, на так поняла, – смущенно откликнулся он. – Я просто спросил, нельзя ли перенести визит в театр на самое короткое время – скажем, на завтра... Я бы успел лучше подготовиться и настроиться на восприятие твоего шедевра. Признаться, сегодня я немного не в форме – эти мрачные типы с бритыми затылками, о которых ты говорила, меня доконали... Заодно хочу сделать одно маленькое замечание относительно культурного общества. Не хочу показаться брюзгой, но у меня давно складывается ощущение, что в культурной элите происходит что-то неладное. В театральной в том числе. Я и там вижу все больше мрачных типов с криминальными хватками. А что касается крепкого словца, то, по-моему, сейчас даже студентки-первокурсницы ругаются как матросы. Я понимаю, времена трудные, и щепетильность сейчас не в моде, но...

– Ну это ты просто придираешься, Гуров! – сказала Мария, расчесывая перед зеркалом свои густые темные волосы. – Сгущаешь краски! Послушать тебя, так, куда ни кинь, везде филиал твоего любимого преступного мира! А кто же, по-твоему, творит, не дает угаснуть искре духовной жизни, кто ночей не спит, чтобы...

– Ты говоришь сейчас о милиции? – с невинным видом спросил Гуров.

Мария обернулась и запустила в мужа щеткой.

– Ты прекрасно знаешь, что я говорю не о милиции! – негодуя произнесла она.

– Прости, значит, мне показалось, – смиренно ответил Гуров и с поклоном подал жене не попавшую в цель щетку. – Ты сказала «ночей не спит», вот я и подумал...

– Ничего страшного! – отрезала Мария, опять поворачиваясь к зеркалу. – Выспишься во время представления. Большого я от тебя, кстати, не ожидаю и не требую. По крайней мере,

тогда я смогу с чистой совестью отвечать недоброжелателям, что муж вовсе не равнодушен к моему творчеству и хотя бы тело его на спектаклях присутствует.

– Да, это будет сильный аргумент! – похвалил Гуров. – Так сказать, наш ответ Чемберлену. Но почему именно сегодня, почему не завтра?

– Все очень просто, – сказала Мария. – Если уж смотреть спектакль, то с участием Белинкова. Сегодня он будет моим партнером, а завтра уже нет. Не знаю, что получится у нас с Томилиным. Если честно, я в него совершенно не верю!

Известный актер Белинков в рекомендациях не нуждался – его красивое мужественное лицо красовалось на афишах и журнальных обложках, постоянно мелькало на телеэкране, он был талантлив, работоспособен и знаменит. Гуров шапочно был с ним даже знаком. Как, впрочем, и с Томилиным. Последний был ему все же симпатичней. Подступавший к пятидесятилетию рубежу, не слишком ровный, не слишком удачливый, не слишком знаменитый Томилин импонировал Гурову своим философским, с немалой долей иронии, отношением не только к себе, но и вообще к жизни. Для него было обычным делом беззлобно посмеиваться над устойчивыми театральными мифами, над звездной иерархией, над претензиями коллег именоваться жрецами искусства, властителями дум и прочими пышными титулами. «Комедианты мы – и более ничего!» – говорил он, грустно подмигивая, и, похоже, говорил серьезно, несмотря на демонстративную ироничность тона. Может быть, потому и не слишком многого добился – чтобы стать звездой, нужно прежде всего самому поверить в свою исключительность.

– Ну, что касается меня, то я-то как раз предпочел бы Томилина, – заметил Гуров, но, поймав в зеркале разгневанный взгляд жены, тут же добавил: – Разумеется, это очень субъективное мнение. Но куда же завтра денется твой Белинков? Неужели рванет с «чесом» по деревьям?

– Послушай, Гуров! – опуская руки, с отчаянием сказала Мария. – Твои замечания меня убивают! Белинков поедет с «чесом»! Упаси тебя бог произнести это в обществе! На самом деле у Белинкова несчастье. У него тяжело болен отец. Требуется операция, которую могут сделать только в Германии. Очень недешевое удовольствие, между прочим. И вот Белинков собрал наконец требуемую сумму и теперь лично везет отца в Гамбург... Да, по-моему, в Гамбург. Так что ни о каком «чесе» речи не идет, как видишь... Ты все время сетуешь, что в обществе намеренно распространяется превратное мнение о сотрудниках милиции, но, между прочим, по отношению к жрецам Мельпомены сам проводишь не очень-то красивую линию.

– Наголову разбит и забираю свои слова обратно, – заявил Гуров. – Все до одного. Все вопросы автоматически снимаются. Сегодня же оживлю ваше представление своим личным присутствием.

– Ну, Гуров, утешил! – насмешливо сказала Мария. – А я уж совсем потеряла всякую надежду. Значит, тогда сделаем так – ты отвозишь меня сейчас в театр, а в семь вечера, напудренный и завитой, являешься сам. Надеюсь, никаких неожиданностей на сегодняшний вечер ты мне не приготовил?

– Неожиданности потому так и называются, – рассудительно заметил Гуров, – что их никто не ожидает. Даже полковник Гуров. Поэтому никаких комментариев на этот счет дать не могу.

Мария погрозила ему пальцем.

– Комментарии меня не волнуют, – сказала она. – А вот честное слово, что неожиданностей сегодня не произойдет, ты мне дашь. Иначе сам знаешь, что будет.

Гуров смущенно почесал затылок.

– Наш разговор приобретает какой-то мистический характер, – заметил он. – Ты заставляешь меня давать совершенно иррациональные обещания, а вдобавок угрожаешь чем-то неведомым, утверждая, будто мне известно, что это будет такое. Но, дорогая, я не пророк и не умею предсказывать будущее!

– В таком случае, я предскажу, – решительно парировала Мария. – Будущее твое будет безрадостным. Если ты не выполнишь моей просьбы, в которой я, кстати, не нахожу абсолютно ничего иррационального... Однако я уже опаздываю! И все потому, что ты втягиваешь меня в бесплодную дискуссию...

– Я домчу тебя в одну минуту, мое сокровище! – добродушно сказал Гуров. – Дискуссии и правда не моя грядка. Я – человек действия, и ты в этом немедленно убедишься!

Минут через пять уверенной рукой он уже вел свой «Пежо» по московским улицам. Солнце клонилось к западу и почти скрылось за силуэтами высотных зданий. Но его лучи то и дело предательски выстреливали из-за какой-нибудь стены или сквозь листву в парках, и этот остывающий, но все еще ослепительный красноватый отблеск заставлял Гурова болезненно жмуриться. Он жалел, что не захватил с собой темных очков.

Мария на шалости солнца не реагировала. Она уже вся ушла в себя, закрылась, и даже что-то незнакомое, почти чужое появилось сейчас в ее чертах. Гурова это, впрочем, несколько не смущало, а даже, пожалуй, волновало и притягивало еще больше, словно прекрасная женщина в его машине была лишь случайной попутчицей и им обоим еще только предстояло пройти весь сладостный путь взаимного узнавания, надежд и встреч.

Гуров не уставал восхищаться своей женой – тому, как гармонично сочетались в этой удивительной женщине такие исключительные качества, как талант, ум и красота. И еще про себя он всегда удивлялся, почему повезло именно ему, и за какие такие заслуги судьба послала ему счастье на закате дней. Наедине с самим собой Гуров вовсе не стеснялся выражаться высокопарно.

Однако, если бы ему вдруг пришлось озвучить свои мысли, он выразился бы по этому поводу предельно энергично и кратко. «Дуракам счастье!» – сказал бы он. И, пожалуй, был бы не прав – несмотря на возраст, полковник Гуров оставался импозантным мужчиной, а седина на висках только придавала ему особенный шарм. Его высокая фигура, широкие плечи и уверенная осанка до сих пор производили неизгладимое впечатление на прекрасную половину человечества. Самокритика Гурова не имела под собой никаких оснований – вместе с женой они составляли прекрасную пару.

Единственная претензия, которую Мария неизменно высказывала Гурову, была классической – как всякий сыщик, Гуров гораздо больше времени проводил где угодно, но только не дома. Справедливости ради стоит отметить, что и сама Мария Строева при весьма интенсивном графике своей работы – репетиции, спектакли, гастроли – не могла считаться образцовой домохозяйкой, потому и претензии ее к мужу не отличались особенной агрессивностью. Гурову не на что было жаловаться.

Сегодня же он был почти счастлив – после относительно продолжительного периода некоторой взаимной неудовлетворенности и небольшой пикировки напоследок впереди у них забрезжило что-то очень похожее на семейную гармонию – пробилось, как теплый луч солнца сквозь зелень листвы на бульваре. И хотя жена уже почти не обращала на него внимания, с головой уйдя в переживания по поводу предстоящего спектакля, настроение у Гурова улучшалось с каждой минутой.

Высидев Марию возле театра, он помахал ей вслед и с теплым чувством в душе поехал обратно. Ему еще предстояло подготовиться к выходу – «напудриться», по выражению Марии, но эта часть программы тоже не вызывала у него обычного для мужского пола напряжения. Гуров понимал толк в хорошей одежде и умел выглядеть безукоризненно даже на работе – неважно, сидел ли он при этом в кабинете, обложившись пыльными бумагами, или преследовал в проходном дворе отстреливающегося бандита. По этому поводу сам генерал Орлов не уставал приводить его в пример остальным сотрудникам главка – к вящему неудовольствию полковника Крячко, который делил с Гуровым не только кабинет, но также все заботы и радости, выпадающие на долю оперативного работника.

Сам Крячко, будучи человеком веселым, жизнерадостным и даже отчасти легкомысленным, отдавал предпочтение в одежде сугубо демократическому стилю – старые джинсы и застиранная ковбойка были его обычной униформой. Ничего удивительного, что именно ему чаще всего советовали брать пример с Гурова. Крячко неизменно в ответ на это отшучивался, а в худшую минуту ворчал, но изменений в свой имидж вносить не спешил. Он тоже был старым оперативником и характер имел железный.

Гуров относился ко всему этому с добродушным юмором, полагая, что каждый волен иметь собственный взгляд на вещи, и примером себя не считал. Однако при любых обстоятельствах старался держаться джентльменом, что, собственно, не составляло для него никакого труда – привычка быть в форме давно стала его второй натурой.

Однако, собираясь на спектакль, которым так гордилась жена, он превзошел самого себя – в новом темно-синем костюме и шикарном галстуке Гуров был похож на человека, прямиком направляющегося или на прием во дворец, или, по крайней мере, на собственную свадьбу.

Пожалуй, Гуров именно так и воспринимал сегодняшний вечер – если не как свадьбу, то уж как праздник наверняка. Так он и отправился в театр – в предвкушении чего-то яркого и необычайного, с ожиданием праздника в душе.

Неожиданности начались уже в фойе и продолжились до самого зрительного зала. Опытный глаз Гурова сразу отметил странную нервозность среди театральных служащих – гардеробщиц, продавцов программ, буфетчиц – все они казались рассеянными и возбужденными, а встречаясь друг с другом, сразу принимались шушукаться, нисколько не обращая внимания на зрителей. Да и с театральными тоже было что-то неладно. Многие из тех, кто пришел посмотреть спектакль, выглядели растерянными и разочарованными. Довольно быстро выяснилось, что по каким-то причинам представление задерживается – то ли заболел актер, то ли произошла какая-то накладка, подробностей никто не знал. Однако где-то в толпе уже прозвучала фамилия Белинкова, и заинтригованный Гуров отправился за кулисы.

На правах мужа Марии Строевой он проходил туда без труда, хотя обыкновенно к посторонним относились здесь очень строго. Однако сегодня все выглядело иначе – при желании в святая святых беспрепятственно мог попасть целый взвод. Те, кто отвечал за порядок, тоже шушукались по углам, взволнованно, но совершенно незряче озираясь время от времени по сторонам.

Явно недоумевая, Гуров прошел в примерку своей жены. Поразительно, но ее там не было. Вместо жены Гуров нашел там комика Вагряжского, в сегодняшнем спектакле не занятого. На сцене актер Вагряжский казался веселым и бодрым человеком, немного неловким, но неизменно энергичным и неунывающим. Грим и искусство портного облагораживали внешность этого любимца публики, и только при ближайшем знакомстве оказывалось, что Вагряжскому уже за пятьдесят, что он нездорово выглядит, что актер неряшлив и отравлен скепсисом.

Сейчас он сидел или скорее полулежал, провалившись по самые плечи в старое пыльное кресло, и курил длинную вонючую сигару. Вокруг головы Вагряжского плавали сизые кольца табачного дыма, а на его морщинистом лице было написано отвращение. Увидев Гурова, он слегка пошевелился, помахал в воздухе сигарой и изобразил на лице что-то отдаленно похожее на улыбку.

– Достойный муж достойной супруги своей! Приветствую тебя в сих чертогах! – напыщенно и скрипуче провозгласил он, и Гуров понял, что Вагряжский немного пьян.

– Здравствуйте, – сказал он суховато. – Вообще-то я как раз супругу и ищу. Не знаете, где она?

– Завидую, господин полковник, завидую черной завистью! – прокряхтел Вагряжский, делая попытки выбраться из кресла. – Вашему невероятному семейному альянсу завидую... Конечно, Мария красавица, кто же спорит, но моя жена тоже была когда-то не из последних. Однако я уже на втором месяце брака искал не супругу, а, извините, обходной маневр... Впро-

чем, все это уже в прошлом. Ныне я холост, а следовательно, свободен во всех смыслах... А вы здесь, господин полковник, с целью приобщиться к миру прекрасного или же по служебному делу? – закончил он с любопытством.

Гуров тоже, в свою очередь, удивился.

– Гм, чем вызван такой странный вопрос? – поинтересовался он. – Профессия, конечно, откладывает отпечаток, да и однажды я действительно занимался расследованием в этом самом театре, но это вовсе не значит, что я не могу просто прийти посмотреть спектакль, в котором, кстати, занята моя жена.

– А-а... – почему-то разочарованно протянул Вагряжский. – А я-то уж было решил...

– Что вы решили? – подозрительно спросил Гуров. – Что тут у вас вообще, черт возьми, происходит? Такое впечатление, будто вас вот-вот должны выселить из этого здания... Почему задерживается спектакль?

Вагряжский задумчиво посмотрел на Гурова, механически изобразил на лице гримасу комического отчаяния и опять с кряхтением опустился в кресло.

– Так вы действительно ничего не знаете! – с удовлетворением произнес он. – Забавно! Признаться, на язык так и просится банальная шутка о профессионализме нашей милиции, но, с вашего разрешения, я оставлю ее при себе, – вздохнул он. – Чересчур банальна!

– Да уж, сделайте одолжение! – сердито ответил Гуров. – И вообще, какие у вас могут быть ко мне претензии? Я пришел в театр в качестве зрителя, и вы это отлично знаете. У вас тут что – зарезали кого-нибудь?

– Упаси бог! – лениво сказал Вагряжский. – Этого только не хватало. Хотя, конечно, как посмотреть... Можно сказать, что и зарезали – только без ножа. Звезду нашу... Не пугайтесь, Машенька тут ни при чем. Она сейчас вопрос с главным решает, кто заменит Белинкова. Собственно, Томилин здесь, но не вполне в форме – мы тут с ним позволили себе... ну вы понимаете... Кто же мог ожидать такого коварства со стороны Белинкова? Томилин полагал, что раньше завтрашнего вечера на сцену не выйдет, и не поберегся, конечно... Теперь у него из-за этого неприятный разговор с руководством, хотя по-человечески Томилину можно понять – он просто пытался скрасить тревожное ожидание. Если подумать, так вся наша жизнь – это попытка скрасить ожидание неизбежности... Вы согласны?

Вагряжский был явно настроен всласть поговорить. Но у Гурова от его цветистых путаных излияний голова пошла кругом.

– Послушайте, господин Вагряжский! – взмолился он. – Не втягивайте меня в философскую дискуссию о смысле жизни! Скажите толком, что здесь случилось и стоит ли рассчитывать на то, что спектакль все-таки состоится?

– Без-ус-лов-но! – отчеканил комик, многозначительно поднимая вверх сигару. – При любых обстоятельствах шоу должно продолжаться! Как говорится, смейся, паяц... Думаю, совсем уже скоро Томилин придет в надлежащий вид, и толпа получит то, чего жаждет – хлеба и зрелищ. А случилось, господин полковник, не здесь. Случилось у Белинкова дома, на Ленинградском проспекте. Его обчистили.

– Обчистили? – повторил Гуров. – Так вот в чем дело! Вы хотите сказать, что ограбили его квартиру?

– Ну да! – поморщился Вагряжский. – Может быть, слышали – он собирался везти отца в Германию на операцию. Скопил денег... Но ведь вы знаете эту русскую привычку держать капиталы в наличных, а наличные – в коробке из-под обуви! Естественно, к нему пришли.

– Печально, – заметил Гуров. – Надеюсь, сам Белинков не пострадал?

Вагряжский развел руками.

– Помилуйте! – сказал он. – Сам ничего не знаю! Питаюсь слухами. Все, что успел узнать, уже доложил вам. Остальное потом. Да вот, кажется, и сама хозяйка идет... Наверняка ей-то побольше моего известно.

Действительно, в коридоре прозвучали торопливые шаги, стук каблучков – и в гримерку вошла Мария. Гуров с трудом узнал жену. И дело было не только в сценическом платье и гриме. Лицо Марии выглядело усталым и злым. Отрицательные эмоции переполняли ее. Увидев Гурова, которого Мария так неправдоподобно долго уговаривала на посещение театра, она лишь сказала: «А, ты здесь!» – и в раздражении уселась в свободное кресло перед тройным зеркалом.

Вагряжский незаметно для нее изобразил на лице гримасу, которая должна была означать что-то вроде «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» и осторожно спросил:

– Ну что, Машенька, все утряслось?

– Все прахом! – не оборачиваясь, сказала Мария. – Сегодня у нас будет провал. Томилин пьян, у меня нет сил, труппа вся как с цепи сорвалась. Честнее было бы вообще отменить спектакль!

– Чепуха! – авторитетно заявил Вагряжский. – Шоу должно продолжаться при любых обстоятельствах. Толпа ждет! И с чего вы взяли, что будет провал? Вот увидите – сыграете, как богиня! На безумной, так сказать, волне! И на Томилине зря ставите крест. Томилин еще вас сегодня удивит, поверьте моему опыту. А то, что он слегка...

– Да уж, удивит обязательно! – перебила его Мария. – Уже удивил... Ты уже слышал, что случилось? – вдруг обратилась она к мужу.

– Немного, – сказал Гуров и поспешно добавил: – Сразу заявляю – к этой неожиданности я лично не имею ни малейшего отношения. И вообще, сегодня вечером криминал не по моей части. Я сейчас же иду в зал и занимаю свое место...

– А я не желаю, чтобы мой муж смотрел на это убожество! – неожиданно повысила голос Мария. – Я просто настаиваю, чтобы ты пропустил сегодняшней балаган! У меня все валится из рук. Это хуже, чем предстать перед любимым человеком заспанной и с перьями в волосах! Ты не пойдешь в зал, слышишь!

– Гм, а куда же я, в таком случае, пойду? – спросил растерявшийся Гуров. – Несколько глупо два часа наряжаться, чтобы потом съездить до театра и обратно – тебе не кажется?

– Знаешь что? – Мария обратила к нему просительный взгляд. – У тебя же есть возможности... Попроси, чтобы тебя назначили на это дело! Я рассказывала тебе о планах Белинкова. Так вот, у него украли все его деньги, самого чуть не убили – он сейчас на грани помешательства. Это же полный крах для него. А я уверена, ты сумеешь помочь!

– А правда, Гуров, голубчик! – оживился Вагряжский. – Почему бы вам, и в самом деле, не принять участие? Для вас же найти каких-то паршивых грабителей – раз плюнуть! И для вас реклама какая – это же не кто-нибудь, это Белинков! Подумайте!

– Это вы подумайте, что только что сказали, – хмуро отозвался Гуров. – По-вашему, оперативным работникам реклама требуется? У нас все-таки не шоу, господин Вагряжский.

– Ну-у, может быть, я неверно выразился, – пробормотал озадаченный комик. – Я только имел в виду... Одним словом, по моему глубокому убеждению, то, что вы здесь – это перст божий! И вы должны следовать предназначению.

– Какой перст! – невольно улыбнулся Гуров. – Это вы, пожалуй, хватили лишку! Я здесь всего лишь, как говорится, «волею пославшей мя жены»...

– Это почти одно и то же, – быстро парировал Вагряжский. – Тем более что с ее стороны уже поступила подобная просьба. Или, как это у вас называется – заявление, наверное? А на заявление вы обязаны отреагировать, да-с! – важно закончил он.

– Я уже не могу слушать этот бред! – прижимая пальцы к вискам, с отчаянием сказала Мария. – Прекратите, Николай Евгеньевич, умоляю! Что вы несете? Какое заявление? А, впрочем, так оно и есть. Можешь считать это моим личным заявлением. Уж такую-то мелочь ты для меня можешь сделать?

– Я могу, – осторожно сказал Гуров. – Просто неудобно как-то – там ведь сейчас, наверное, уже всю следственные мероприятия проводятся, а тут вдруг я ни с того ни с сего – возьмите, мол, за рубль двадцать – знаменитый полковник Гуров!

– И тем не менее это правда! – упрямо сказала Мария. – Именно знаменитый, именно Гуров! Я понимаю, что в милиции и без тебя люди имеются, но речь ведь идет о жизни и смерти. Если бы ты знал, как Белинков любит своего отца! Если он, не дай бог, умрет... Короче говоря, я просто знаю, что ты найдешь этих гадов быстрее, чем кто-либо другой. А являться ни с того ни с сего тебя никто не заставляет. И, пожалуйста, не делай вид, будто не знаешь, как сделать, чтобы тебя подключили к этому расследованию.

– Довольно-довольно, снимаю все возражения! – воскликнул Гуров, шутливо поднимая вверх руки. – Действительно, что стоит знаменитому Гурову раскрыть какое-то ограбление? Да в два счета! Сейчас же позвоню генералу, обрадую старика...

– Вот и звони, – непреклонно сказала Мария. – Иди и звони. И вы, Николай Евгеньевич, тоже пойдите куда-нибудь – мне наконец надо хоть немного сосредоточиться...

– Удаляюсь, немедленно удаляюсь, божественная Мария Ивановна! – прокричал Вагряжский, выбираясь из кресла, как краб из панциря. – Пойду сейчас прямо в буфет. Ты уж не обижайся, но на твою божественную игру сегодня смотреть не хочу – катарсиса опасаясь. А у меня настроение сегодня иное... лучезарное! Пойдемте, господин полковник, пропустим по маленькой, я угощаю!

– Польщен, – ответил Гуров. – Но вынужден отказаться. У меня тоже, понимаете ли, настроение, но, к сожалению, далеко не лучезарное.

– Понимаю, – смиренно произнес Вагряжский и тихо вышел.

Гуров подошел к жене и, опасаясь испортить грим, осторожно поцеловал ее в висок.

– Я все сделаю, – сказал он негромко. – Можешь не сомневаться. Не думай больше об этом. Я найду этих мерзавцев.

Мария, ничего не ответив, грустно покачала головой и провела ладонью по щеке мужа.

– Так скверно на душе! – призналась она. – Ты не представляешь. Мне казалось, что с Белинковым такого никогда не могло случиться. Его же все обожают!

– Джона Кеннеди тоже все обожали, – сказал Гуров, чтобы хоть что-то сказать. – Потом оказалось, что не все... Так я пойду. Удачи тебе!

Когда он вернулся в фойе, уже прозвучал долгожданный звонок. Истомившаяся публика с нетерпением потянулась в зал. Гуров в стороне от всех с задумчивым видом наблюдал за празднично разодетыми людьми, на самом деле думая о своем. Лишь когда опустело фойе и затих многоголосый шум толпы, он окинул взглядом портреты знаменитых актеров на стенах и подытожил размышления своим любимым афоризмом:

– Ну вот, значит, и попали – на ровном месте, да мордой об асфальт! – и, махнув рукой, направился к выходу.

Глава 2

– Послушай, Лева, – сказал Стас Крячко, усаживаясь на заднее сиденье гуровского «Пежо». – Я вообще-то не в претензии, что ты сосватал меня на это дело – за компанию-то и помирать веселее, но скажи откровенно – на хрена козе баян? То есть для чего тебе понадобилось лезть на глаза руководству? Знаешь ведь поговорку – на службу не напрашивайся, ну и так далее...

– Мария попросила, – коротко сказал Гуров. – Я люблю свою жену, а за любовь, Стас, приходится платить.

– А-а! – обескураженно протянул Крячко и хлопнул себя по лбу ладонью. – Ну да, как же я сразу не сообразил – они же работают в одном театре!

– В театре говорят – «служат», – поправил Гуров. – В последней пьесе они играют ведущие роли. А кроме того, у Белинкова похитили деньги, которые предназначались на операцию отцу.

– И много? – поинтересовался Крячко.

– Немало, – покачал головой Гуров. – Четыреста тысяч долларов.

Крячко присвистнул.

– И сколько украли?

– Да все и украли, – сказал Гуров. – Плюс золотишко и еще что-то по мелочи. Карманный компьютер, например... Только о краже речь не идет. Белинков дома был, когда все это случилось. Действовала хорошо организованная банда из четырех-пяти человек – возможно, больше... Ворвались в квартиру, когда хозяин собирался уходить, пригрозили оружием, потребовали деньги и ценности. Насколько я понял из материалов дела, Белинков особенно и не сопротивлялся.

– Значит, не дурак, – удовлетворенно заметил Крячко. – А с умным человеком и работать приятнее. Куда сейчас едем?

– На Ленинградский проспект, – объяснил Гуров. – Он там живет. Дом без охраны, только с домофоном. Но преступники им и не пользовались – просочились каким-то образом.

– Ничего хитрого, – заметил Крячко. – Могли код узнать, или жильцы дверь не закрыли, или с кем-нибудь за компанию. Народ у нас доверчивый.

– Доверчивый, но памятливым, – сказал Гуров. – Группу незнакомых людей кто-то из соседей наверняка должен был запомнить, а в данном случае – ничего. То есть из показаний соседей получается, что никто из них ничего подозрительного не видел и не слышал.

– А кто там работал?

– Следователь Булгин, ты его знаешь, толковый мужик, – ответил Гуров. – А из МУРа – майор Сорокин.

– И неужели никаких следов? – спросил Крячко.

– Вроде бы видели недалеко от дома «Жигули» вишневого цвета, – пожал плечами Гуров. – Сразу после ограбления в машину сели трое мужчин и быстро уехали. Сорокин выяснил при опросе свидетелей – кажется, по времени совпадает. Но ни номера машины, ни внешности этих троих никто не запомнил.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? – поинтересовался Крячко.

– Пока трудно сказать, – хмурия брови, сказал Гуров. – Сдается мне, что тут действовала та же группа, которую уже полгода ищут. И Булгин того же мнения придерживается. Почерк похож. Находят квартиру состоятельного человека, проникают туда без особенного шума, но с наглостью беспредельной и быстро чистят – в присутствии, так сказать, «клиента». Всегда с угрозой применения оружия, но в ход тем не менее до сих пор ни разу его не пускали.

– Что-то припоминаю, – откликнулся Крячко. – Кажется, в МУРе их иронически прозвали «гуманисты в особо крупном размере»?

– Да, я как раз их имею в виду, – кивнул Гуров. – Кстати, в похожих случаях тоже действовали три-четыре молодых человека и фигурировали «Жигули». Правда, кажется, автомобиль был другого цвета... Но я думаю, преступники могут в каждом отдельном случае просто использовать угнанную машину.

– Скорее всего, – согласился Крячко. – Им всего-то – подъехать да уехать. А потом машина отгоняется на прежнее место, и хозяин транспортного средства, даже если обнаружил к тому времени пропажу, оказывается на седьмом небе от счастья и никакого заявления в милицию не подает.

– Там могут быть какие-то нюансы, – сказал Гуров. – Обязательно нужно посмотреть те, схожие дела. Займешься этим сегодня же... После того, как навестим Белинкова.

– Надеешься услышать от него что-то новенькое? – спросил Крячко.

– Даже старенькое предпочитаю слышать своими ушами, – сказал Гуров. – Да и сам господин артист наверняка что-нибудь вспомнит. Надеюсь, он немного отошел от потрясения.

– А он хоть знает, что мы неумолимо приближаемся к его оскверненному жилищу? – спросил Крячко.

– Мы созванивались, – пояснил Гуров и, немного подумав, добавил: – Только попрошу тебя сдерживать там свой неистребимый оптимизм. Актеры – люди чувствительные. Твои шутки Белинков может неправильно понять. И вообще неудобно – все-таки партнер Марии, да и меня знает... Подумает еще, что я злорадствую по поводу его несчастья.

– Нелогично, – заметил Крячко. – Почему же, если шучу я, то злорадствуешь ты? Но, впрочем, как хочешь. Обещаю, что буду скромн и тих. Твой Белинков меня даже не заметит.

Разумеется, это было преувеличением. Как оказалось, Белинков увидел их еще из окна. По некоей нервной привычке, вдруг сформировавшейся у него после ограбления, знаменитый актер с утра торчал у окна, подозрительно всматриваясь в каждого человека, входящего в подъезд. Возможно, он надеялся, что преступники захотят повторить свой эксперимент в другой квартире, и тогда он их непременно сдаст милиции.

Гурова он, слава богу, узнал издали, поэтому отпер дверь быстро и без лишних вопросов. Он так же быстро намеревался запереть ее, но оперативники попросили его не торопиться.

На лестничной площадке находилась еще одна квартира, и Гуров, внимательно осмотрев все вокруг, поинтересовался у Белинкова, кому она принадлежит.

– Вы, простите, уж не соседа ли моего подозреваете? – с нервным смешком спросил Белинков. – Абсурд полнейший! В этой квартире живет Гаврилов – журналист-международник. Интеллигентнейший человек, категорическая редкость в наши времена. Представить его с пистолетом и в маске просто невозможно. Кстати, он уже две недели в отъезде.

– Вот как, – кивнул Гуров. – Но кто-то, наверное, остался в квартире? Жена, дети...

– Дети давно живут отдельно, а жена Гаврилова отдыхает сейчас в Анталии. Почему-то Анталию она предпочитает всем другим курортам.

– Действительно странно, – с невинным видом отозвался Крячко. – Есть сколько угодно местечек куда интереснее. Например, я знаю такой чудесный уголок – и всего километрах ста от Москвы. Правда, удобства во дворе, но...

Гуров выразительно посмотрел на него, и Крячко немедленно умолк. Белинков, слушавший его с напряженным вниманием, недоуменно моргнул два раза и перевел взгляд на Гурова.

– Простите, товарищ увлекся, – сказал тот. – Ну что же, к вопросу о соседях, с вашего разрешения, мы вернемся попозже, а теперь, Владимир Александрович, хотелось бы побеседовать с вами. Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

Красивое лицо Белинкова болезненно искривилось. Он до сих пор не избавился от пережитого стресса.

– Мне теперь некуда торопиться, Лев Иванович! – с надрывом сказал он. – Я должен был выезжать сегодня в Германию... и вот все к черту... – он махнул рукой и отвернулся.

Оперативники переглянулись, и Гуров деликатно сказал:

– Мы постараемся сделать все возможное, Владимир Александрович, чтобы помочь вашей беде. Нужно только немного потерпеть. И, разумеется, помочь нам.

– Эх, да что толку! – снова взмахнул рукой актер и торопливо предложил: – Прошу вас, проходите! Как бы то ни было, не в коридоре же нам стоять.

Он провел оперативников в большую светлую комнату, окна которой выходили прямо на проспект. С высоты пятого этажа открывалась прекрасная панорама.

– Немного шумновато? – спросил Гуров, осматриваясь.

– Нет, ничего, – сказал Белинков. – Простите, я весь теперь в растрепанных чувствах – даже есть не могу. Наверное, нужно что-то вам предложить. Может быть, кофе? Или что-нибудь покрепче?

– Ради бога, не беспокойтесь, – ответил Гуров. – Не будем отвлекаться. Ведь вы один живете?

– Временно один, – подтвердил актер. – Недавно мы с женой разошлись, простите за интимную подробность. Все было культурно, без склок... Впрочем, иначе и быть не могло – Виктория умная женщина, по-настоящему утонченная натура... Впрочем, я, кажется, не то говорю – вам это совсем не интересно.

– Нам все интересно, Владимир Александрович, – заметил Крячко. – Ведь, как ни странно, больше половины всех неприятностей криминального характера исходит как раз от родных и знакомых – от тех, на кого вроде бы никогда не подумаешь...

Белинков посмотрел на него с ужасом.

– Как, вы и Викторию подозреваете? – недоверчиво спросил он. – Не-ет, это невозможно! И потом, сами посудите, зачем ей меня грабить, если мы обо всем уже договорились полюбовно? Я имею в виду раздел имущества.

Гуров задумчиво посмотрел в потолок, а потом невозмутимо пояснил:

– Вы нас неверно поняли, Владимир Александрович. Мы пока никого не подозреваем. Тем более ваших родных и знакомых. Мой товарищ просто решил вспомнить статистику. Не совсем кстати, потому что каждый конкретный случай имеет свои нюансы. Давайте поговорим о том, что произошло вчера. Расскажите, как все случилось.

– Я уже столько раз это рассказывал, – упавшим голосом произнес актер. – Меня буквально тошнит от повторения этих диких подробностей. Может быть, вам лучше ознакомиться с моими показаниями?

– Я с ними уже ознакомился, – сказал Гуров. – Однако очень бы вас просил повторить все еще раз. Мне хотелось бы все услышать из первых, так сказать, уст. Уж таков мой подход к делу.

– Понимаю, – уныло сказал Белинков. – Ну что же... Собственно, рассказывать особенно и нечего. Я собирался на спектакль, как вам известно. Мысли и чувства были уже там... – Он сделал рукой выразительный пластичный жест. – Практически ничего вокруг себя я не замечал. Одним словом, отпер дверь – и они сразу ввалились. Оттеснили меня в прихожую – пистолет ко лбу и приказ молчать. Что мне оставалось делать? Я подчинился. Знаете, столько раз приходилось стоять под дулом пистолета в кино, изображая героя... Но оказалось, что в жизни никакой я не герой. Наверное, мои поклонницы будут страшно разочарованы, узнав об этом, – криво улыбнулся он.

– Лучше быть пять минут трусом, чем посмертно героем! – убежденно заявил Крячко. – Вы поступили как разумный человек и правильно сделали. Если бы вас убили, нам пришлось бы еще сложнее. Но неужели, открывая дверь, вы не заметили ничего подозрительного на лестничной площадке?

– Да нет же! – с досадой сказал Белинков. – Я был уже весь в образе, я же объяснил... Да и они будто из-под земли выросли.

– Сколько их было? – спросил Гуров. – Как выглядели? Вы – актер, должны были заметить какие-нибудь характерные детали.

– Спасибо за доверие, – саркастически отозвался Белинков. – Признаться, под дулом пистолета я как-то забыл о том, что я актер. Единственная моя мысль была об отце – мы оба так надеялись на эту операцию! Однако я понимал, что моя смерть будет для него еще большим ударом, и сразу отдал им деньги. Нет, не сразу. Сначала я все-таки попытался воззвать к их чувству сострадания. Я объяснил им ситуацию.

– В самом деле? И что же?

– Да ничего, – раздраженно сказал актер. – Их главный – или тот, кого я принял за главного – все выслушал и сказал, что при моей популярности и востребованности мне будет несложно заработать нужную сумму. Он не глумился и не насмехался, был предельно серьезен, но совершенно безжалостен... Эдакий прагматичный Робин Гуд. По-моему, он был совершенно убежден, что деньги достаются мне незаслуженно и без особого труда... Впрочем, это не имеет отношения к делу. Вы спрашивали, сколько их было? Их было трое.

– Трое, вы уверены? – переспросил Гуров. – Свидетели видели четырех мужчин, садившихся в машину...

– Я был напуган, – сказал Белинков. – Но не настолько, чтобы не сосчитать до трех. Возможно, на улице их еще кто-то ждал, но у меня их было трое. Довольно крепкие молодые люди – думаю, не старше тридцати – тридцати пяти лет, – в масках с прорезями. Обезличивающая одежда – черные брюки, черные водолазки... Вообще, ощущение было такое, словно ворвались тени из потустороннего мира, эдакая черная сила. Наверное, они на подобный эффект и рассчитывали.

– Возможно, – сказал Гуров. – Значит, никаких особых примет вы не запомнили? Только возраст... А почему вы уверены, что преступниками были молодые люди? Вы же не видели их лиц.

– Ну-у, здесь я вряд ли мог обмануться, – ответил Белинков. – Если только в сторону преувеличения. Движения, голоса... Нет, это несомненно были молодые люди. Может быть, даже моложе тридцати, как я сейчас думаю. И, знаете, для преступников они, пожалуй, были слишком хорошо воспитаны. Я имею в виду – для настоящих преступников.

– Но вы же не предполагаете, что вас просто разыграли? – спросил Гуров.

– О, нет, конечно! Я имею в виду, что эти люди не были похожи на представителей тех маргинальных слоев, из которых обычно выходят преступники. Может быть, я путано выражаюсь, но, поверьте, мне доводилось общаться с преступниками – во время работы над ролью. Они ведут себя совершенно иначе.

– Поясните, что вы под этим подразумеваете, – попросил Гуров.

– Но это же так просто! – воскликнул Белинков. – Преступный мир – это особая субкультура, со своими традициями, со своими правилами, с особым этикетом, с определенным словарем... Вы же сами знаете, что матерые преступники за версту видят своего и точно так же без труда вычисляют чужого. Так и в данном случае – я голову даю на отсечение, что грабителями были образованные люди, интеллигенты, хотя это звучит довольно парадоксально. Конечно, это интеллигентность в извращенной, я бы сказал, форме, но тем не менее...

– Это очень любопытно – то, что вы нам рассказали, – заметил Гуров. – Не припоминаю, чтобы об этом говорилось в ваших показаниях... Вы сообщали о своих предположениях следователю?

– Разумеется, – с горячностью заявил Белинков. – Но, по-моему, мои наблюдения его не заинтересовали. Ничего странного, что он не включил их в протокол.

– Ну хорошо, Владимир Александрович, – сказал Гуров. – Давайте вернемся к вопросу о ваших родных и знакомых. Нападение на вас произошло не случайно. Даже сумочку на улице просто так не вырвут, а тут такая сумма. Скажите, кто мог знать о том, что у вас дома находятся большие деньги?

Белинков посмотрел на него измученными глазами, сунул руки в карманы просторной домашней куртки и нервно прошелся по комнате.

– Вы меня пугаете. Кто знал, кто знал... – раздраженно сказал он. – Какая разница – кто знал? Черт возьми, неужели так трудно понять, что эти люди совершенно не были похожи ни на одного из моих знакомых! Я видел их первый раз в жизни!

Крячко счел нужным вставить словечко.

– Простите, Владимир Александрович, тут явное недоразумение, – деловито сообщил он. – Мы вовсе не собираемся покушаться на ваших хороших знакомых. Нам просто важно знать, кто мог осуществить утечку информации на сторону. Это мог сделать, кстати, и не очень хороший знакомый. А то и вовсе плохой. Зато, очертив определенный круг, нам будет проще вести поиски. Появится какое-то направление, понимаете? Не из газет же преступники узнали о ваших сокровищах!

– У меня нет никаких сокровищ, – сухо произнес Белинков. – У меня было только то, что я заработал своим трудом. На все имеются соответствующие документы. До сих пор ко мне не было никаких претензий.

– Упаси бог! – сказал Гуров. – Какие к вам могут быть претензии, Владимир Александрович? Я понимаю, вы немного нервничаете и воспринимаете все в черном цвете. Но мой товарищ прав – грабители ведь к вам не по наитию зашли. Они рассчитывали на хорошую добычу. Конечно, по общепринятым меркам вы вообще человек не бедный, но я полагаю, что ограбление произошло именно сейчас не случайно – преступники точно знали, что в вашей квартире находится крупная сумма в наличных. Кстати, почему вы не захотели вести расчеты с германской клиниккой через банк? Ведь так было бы гораздо проще и безопаснее.

На лице Белинкова отразилось минутное смятение.

– Мне сказали... – замялся он. – Понимаете... Есть некоторые обстоятельства... Мне не хотелось бы сейчас об этом. Короче говоря, мне показалось, что в наличных будет надежнее... – он бессильно развел руками.

Гуров внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Белинков, чувствуя странную неловкость, засуетился, порывисто схватил со стола сигарету и, закурив, отвернулся к окну.

– Давайте вернемся к нашему разговору, – предложил Гуров. – Итак, кому было известно о ваших накоплениях, Владимир Александрович?

– Господи, да кому только не было известно! – не оборачиваясь, с горечью сказал Белинков. – Моим работодателям, коллегам по труппе, друзьям, всем родным, разумеется, включая мою бывшую жену.

– Соседи по дому? – деловито спросил Крячко.

– Вот соседи, пожалуй, исключение, – ответил артист, виновато усмехаясь. – Просто не было случая посвятить кого-то в свои тайны. Я очень много работаю – почти никого из соседей не вижу.

– Та-ак, ясно, – сказал Гуров. – Действительно очертить круг не получается. Ну, что выросло, то выросло. Попробуем задать вопрос по-другому – когда у вас дома появилась вся сумма, и кто знал об этом сроке конкретно?

– Собственно, половина денег у меня собрана давно, – сказал Белинков. – Дня три назад я получил гонорар за свой последний фильм. Ну и вот...

Гуров посмотрел на Крячко и принялся размышлять вслух:

– Значит, если отбросить мысль, что ограбление было случайностью – а мне почему-то решительно не верится в случайность, – следует предположить, что преступникам было

известно о том, что вы еще не собрали полную сумму. Учитывая вашу открытую натуру, нетрудно себе представить, что вы щедро делились информацией с каждым встречным. Но кто-то из этих людей был наводчиком. В принципе, он мог и не знать точно, получили вы последние деньги или нет, но я уверен, куча народу знала, какого числа вы вылетаете в Германию. Преступники просто сориентировались на день отъезда. Они поступили логично – пришли накануне. У вас уже была полная сумма, да и настроение у вас было чемоданное. Плюс вы должны были играть в спектакле. Преступники неплохо подгадали момент!

– Знаешь, Лева, я одного не пойму, – озабоченно заметил Крячко. – Почему они пошли таким опасным путем? Почему ограбление? Они же могли преспокойно дожидаться, пока Владимир Александрович покинет квартиру, и вскрыть дверь!

– Значит, не могли, – жестко сказал Гуров. – И это любопытный момент. Можно предположить, что они не сильны во вскрытии дверей и сейфов. А что? Как сказал Владимир Александрович – интеллигентные люди, не медвежатники какие-нибудь... Предпочитают, чтобы замки отпирал хозяин. Та же самая картина, между прочим, и во всех прочих случаях, о которых я тебе говорил.

– Но тогда они должны были где-то дожидаться, пока хозяин квартиры откроет дверь, – заметил Крячко. – Пусть хоть десять минут, но должны были! Не за тридцать же секунд до выхода они появились! Ведь еще в дом нужно было как-то проникнуть... Подозрительные люди в схожей черной одежде, околачивающиеся без дела в подъезде, – обязательно бы кто-нибудь насторожился. А между тем никто никого не видел.

– Обрати внимание на следующий факт, – возразил Гуров. – На лестничной клетке всего две квартиры. Хозяин одной отсутствует. Пятый этаж. Сейчас мало кто пользуется лестницей – в основном все предпочитают лифт. Так что преступники не очень-то и рисковали...

– Но все-таки рисковали же! – не сдавался Крячко. – Не кажется ли тебе, что у них был здесь сообщник, который прятал их до поры до времени?

Гуров недоверчиво покачал головой.

– Такой сообщник очень бы сильно рисковал, – сказал он. – Очень. Ведь если бы кто-то заметил у него посторонних людей в день ограбления, для него это было бы равносильно полному краху. Но вообще-то мысль интересная. Когда я читал показания свидетелей, то обратил внимание, что в момент ограбления из жильцов этого подъезда были дома всего пятеро, не считая маленьких детей. При такой малочисленности один из этих людей мог и рискнуть, верно? Нужно будет еще раз побеседовать с вашими соседями.

Гуров заметил, как изменился в лице Белинков, и поторопился добавить:

– Вы очень впечатлительны, Владимир Александрович! Не спешите записывать в преступники своих соседей! Мы с коллегой просто озвучили рабочую гипотезу – совсем некстати, между прочим. Обычно мы себе этого не позволяем. И скорее всего она не имеет под собой никакой почвы. Следить за вами с другого этажа все-таки неудобно и опасно – в любой момент могут обратить внимание. А на вашей площадке никого нет, кто мог бы укрыть преступников, поэтому...

Он вдруг заметил по глазам Белинкова, что тот колеблется, не решаясь что-то сказать. Гуров замолчал и вопросительно уставился на актера.

– Э-э... я, пожалуй, не совсем верно вас сначала информировал, – нерешительно пробормотал тот. – Мои соседи Гавриловы действительно в отъезде, но примерно раз в два дня сюда приходят дети – в основном дочь, – поливают цветы, следят, все ли в порядке... Не знаю, был ли кто из них вчера. Я никого не заметил, и ваши люди, кстати, звонили в квартиру Гаврилова – им никто не открыл... – Он неожиданно умолк, беспомощно уставившись в окно.

– Но вас что-то смущает, Владимир Александрович? – проницательно спросил Гуров.

Белинков обернулся и робко кивнул.

– Я никому об этом не говорил, – признался он. – Собственно, я и до сих пор не до конца уверен, не померещилось ли мне... Понимаете, когда я вспоминаю, как все было, мне все больше кажется, что в момент своего выхода я безотчетно услышал, как щелкнул замок квартиры напротив...

Глава 3

– Ну и какие будут соображения? – поинтересовался Гуров, когда они с Крячко уселись в машину.

Он не торопился заводить мотор – постукивая кончиками пальцев по рулевому колесу, задумчиво разглядывал фасад здания, в котором жил Белинков, и ждал ответа на свой вопрос.

– Ты про этот безотчетный щелчок в квартире напротив? – ухмыльнулся Крячко. – А тебе не кажется, что это воспоминания о будущем? После пережитого стресса у господина актера разыгралось воображение, вот он и нагнетает подробности, которых скорее всего не было.

– Но грабители где-то же должны были скрываться, – возразил Гуров. – Три человека!

– Сам говорил, что народу в этот час в квартирах было немного, – проворчал Крячко. – Это ведь моя мысль, что не должны были они торчать на лестничной площадке. А ты сначала меня опроверг, а теперь выдаешь эту мысль за свою...

– Я взвешиваю разные варианты, – покачал головой Гуров. – Выводы, конечно, делать рано, но я чувствую – не было их на лестничной площадке! До сих пор никто этих людей не видел. Даже приблизительных примет у нас не имеется. Они предельно осторожны. И вряд ли они дожидались у дверей чужой квартиры, где их в любую минуту могли увидеть. Уверен, этот щелчок Белинкову не послышался.

– Тогда, значит, журналист-международник. – сказал Крячко. – Точнее, его детки. Выходит так.

– Пока ничего не выходит, – ответил Гуров. – Но повидать деток не мешает. Вдруг случилось так, что кто-то из них доверял ключи от квартиры постороннему?

– Ну да, обычное дело! – иронически заметил Крячко. – Такое сплошь и рядом случается. А я бы все-таки посмотрел в архиве, кто из медвежатников сейчас на свободе. Или ты серьезно веришь в эти байки об интеллигентных грабителях?

– Сдается мне, что это не байки, Стас, – серьезно ответил Гуров. – Это новые лица на рынке преступной рабочей силы. У них нет криминального опыта, но они компенсируют этот недостаток нетрадиционным, если хочешь, интеллектуальным подходом к делу. Я так это вижу.

– А может, это... может, ты тоже компенсируешь недостаток фактов? Воображением, а? – вздохнул Крячко. – А по-моему, все это полная чепуха. Сейчас много развелось всяких чудаков, типа Робин Гуда... Просто грабить им уже неинтересно – обязательно нужно какую-то базу под свои безобразия подвести... Кино насмотрелись.

– Тут другое, – сказал Гуров. – То есть, может, база и присутствует, но они на ней внимания «клиентов» не заостряют. Разве что вот сказали Белинкову, мол, денег он себе всегда зарабатывает. Я так понимаю, что дело для них прежде всего. Потому до сих пор и не попались. И еще к бандитскому загулу эти люди не склонны. Ни разу после предыдущих ограблений никто из них не засветился. Не из этого они круга. Поэтому и не придут завтра информаторы и не шепнут, что, мол, Петька Рваный кассу взял и теперь третий день в «Арагви» гуляет... Я, Стас, может быть, и ошибаюсь, но интуиция мне подсказывает, что если и ошибаюсь, то совсем немного...

– Кто же они, по-твоему? – спросил Крячко. – Из какого круга?

– А вот это вопрос, – сказал Гуров. – Жизнь покажет. Учитывая их определенную ловкость и организованность при нападениях, возможно, это спортсмены. Или бывшие военные. Или даже не бывшие.

– Или, скажем, менты, – в тон ему добавил Крячко.

– А вот менты вряд ли, – помотал головой Гуров. – И все по той же причине. Менты бы, пожалуй, дверь вскрыли – и без труда.

– Вот мы с тобой тут так благодушно рассуждаем, – заметил Крячко. – А ведь вполне может статься, что они и вскрыли. Никто этого не проверил, а может быть, квартиру-то Гаврилова тоже обчистили?

Гуров озадаченно посмотрел на Крячко.

– Иногда тебе в голову действительно приходят неожиданные мысли, – признал он. – И в самом деле, никто и не подумал проверить квартиру Гаврилова. Все успокоились на том, что сказал Белинков, а поскольку никаких заявлений от семейства Гавриловых не поступало... Нет, определенно нужно побыстрее встретиться с детьми журналиста. Белинков дал мне телефон его дочери. Я звоню сейчас же.

Лев достал мобильник и быстро набрал номер. Прижимая трубку к уху, он озабоченно уставился на Крячко, который наблюдал за ним с интересом. Гуров больше всего боялся, что владелицы телефонного номера не будет дома, и, когда ему все-таки ответили, лицо его прояснилось.

– Здравствуйте, Анастасия Петровна, – я не ошибся? – сказал он. – Очень приятно! Вас беспокоит старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров. Я намеренно так пышно, чтобы вы сразу настроились на нужный лад. Потому что дело у меня к вам как раз особо важное. Вы уже слышали, что у вашего соседа несчастье – то есть я имею в виду соседа вашего батюшки, артиста Белинкова? Да-да, его квартиру вчера ограбили. Нет, сам он жив и здоров, слава богу... А вам я звоню, потому что хотел бы выяснить некоторые подробности – ведь вы, говорят, присматриваете за квартирой своего отца?

– Действительно, я там бываю время от времени, – настороженно ответила дочь журналиста. – А в чем, собственно, дело? Или вы думаете, что я могу иметь отношение к ограблению квартиры?

У нее был уверенный властный голос. Гуров подумал, что очень некстати будет, если Анастасия Петровна окажется каким-нибудь начальником. Начальники, даже самые маленькие, крайне болезненно воспринимают вмешательство милиции в их частную жизнь.

– Ну что вы, Анастасия Петровна! – укоризненно сказал Гуров. – Ничего подобного мне и в голову не приходило. Просто есть реальные опасения, что квартира вашего отца тоже могла пострадать. Правда, визуально все в порядке, но мы хотели бы убедиться. Давайте договоримся, когда нам с вами лучше встретиться.

– Вы говорите, квартира отца могла пострадать? – озабоченно спросила Анастасия Петровна. – Вот не было печали... Я немедленно еду туда! Если вам нужно со мной встретиться, то лучше всего будет сделать это сейчас. Я буду минут через десять-пятнадцать.

На самом деле она оказалась гораздо расторопнее – белая «Лада», за рулем которой явно угадывался женский профиль, остановилась возле дома минут через восемь после разговора. Пышная блондинка все делала быстро – резко затормозила, мгновенно покинула салон, мгновенно заперла ключом дверцу и устремилась ко входу в подъезд. Оперативники, не сговариваясь, выскочили из машины и бросились ее догонять.

– Анастасия Петровна! – окликнул Гуров, когда женщина уже была у самой двери. – Подождите!

Блондинка обернулась. Дочь журналиста не была дурнушкой, но назвать ее привлекательной было бы явным преувеличением. Властное рыхловатое лицо с чересчур крупными чертами, чрезмерная полнота, которой она, судя по всему, и не скрывала, отдавая предпочтение одежде, подчеркивающей пышные формы. Сейчас на ней был брючный костюм салатного цвета. Гуров обратил внимание, что левая брючина под коленом слегка запачкана чем-то вроде солидола – наверное, сама возится с машиной, с уважением подумал он. Гуров не мог себе этого разумно объяснить, но наличие у Анастасии Петровны мужа казалось ему маловероятным, хотя даже на первый взгляд женщине было уже далеко за тридцать.

– Подождите, Анастасия Петровна, это мы вам звонили!

– Мне звонил один человек по фамилии Гуров, – неприветливо произнесла женщина, подозрительно рассматривая мятые брюки Крячко. – Во всяком случае, так мне показалось.

– Разумеется, звонил я один, – улыбнулся Гуров. – Имеется в виду, что мы работаем вместе. Разрешите представить – полковник Крячко.

– Что – тоже полковник? – удивилась Анастасия Петровна. – И тоже по особо важным?

– Важнее не бывает, – пробурчал Стас, задетый ее пренебрежительным тоном. – Можете убедиться, если сомневаетесь, – он сунул ей под нос удостоверение.

– Да уж, в таких случаях полагаться на честное слово было бы не слишком разумно – надеюсь, вы со мной согласны? – назидательным тоном сказала Анастасия Петровна, внимательно штудируя красную книжечку. – Ну что ж, кажется, все в порядке... как ни странно...

Она, не глядя, протянула Крячко удостоверение и обратилась уже к Гурову:

– Значит, вы звонили... Интересно, а почему это вы спохватились только на следующий день после ограбления? В квартире моего отца хранилось множество уникальных вещей из разных стран мира. Ему делали подарки самые известные люди нашего времени. Некоторые вещи просто бесценны. А ваших преступников, думаю, уже и след простыл.

Она произносила слова резким, повелительным тоном, словно делала Гурову выговор. Он невольно улыбнулся.

– Судя по всему, вы привыкли распекать подчиненных, Анастасия Петровна, – заметил он. – Какую организацию возглавляете?

Женщина непонимающе уставилась на него, а потом настороженно сказала:

– С чего вы взяли? Я преподаю в МГУ. Английский язык и литература. Кстати, о литературе – ваш коллега Шерлок Холмс в этом плане был куда проницательнее вас.

«Преподаватель! Это в некотором отношении почище любого начальника будет, – подумал Гуров. – Не завидую тем студентам, которые недостаточно почтительно относятся к тому же Шерлоку Холмсу. Такая женщина и пропущенной запятой не простит. Она и нас-то пытается сразу в ежовые взять. Козырями бьет – классикой!»

– На лавры Шерлока Холмса мы не претендуем, Анастасия Петровна, – спокойно ответил он. – Нам бы со своими делами разобраться. А то зазеваешься, а преступников действительно и след простыл. Только почему вы так уж уверены, что уникальные вещи вашего отца пострадали? Мы об этом не говорили ни слова. Возможно, его квартиру даже не тронули. Все это пока предположения, которые мы хотим вместе с вами проверить.

– Меня интересует, почему только сегодня? – железным голосом произнесла Анастасия Петровна, открывая дверь в подъезд.

– Ну, скажем, потому, что мы с коллегой только сегодня приступили к делу, – объяснил Гуров. – По особому распоряжению. Такой ответ вас устроит?

– Долго раскачиваетесь, – заключила Анастасия Петровна и королевским шагом проследовала в открывшуюся дверь.

За ее спиной Крячко изобразил на лице паническую гримасу и с преувеличенным почтением, на цыпочках двинулся вслед за женщиной. Гуров незаметно показал ему кулак и оттеснил в сторону.

– Когда вы последний раз были в квартире своего отца, Анастасия Петровна? – спросил он. – Не припоминаете?

– Отчего же? – резко возразила женщина. – Отлично помню. Я была там позавчера. Между тремя и четырьмя часами пополудни. Полила цветы, прибрала немного. Мой отец обожает всякие экзотические растения. Правда, заботу о них частенько сваливает на других людей, которые подобной страсти не испытывают. Но это уже издержки его беспокойной профессии. Приходится смиряться. Я слишком уважаю своего отца и готова терпеть некоторые неудобства.

«Наверное, папаша подбрасывает тебе приличные суммы – время от времени, – так и вертелось на беспокойном языке у Крячко. – Или привозит из дальних стран что-нибудь экзо-

тическое... В противном случае ты бы просто промолчала о своих жертвах. Зачем объяснять посторонним, как ты уважаешь собственного отца?»

Произнести эти слова вслух не было никакой возможности, и поэтому Стас ограничился тем, что задал вопрос:

– Простите, вы сказали, заботу о своих растениях ваш отец поручает другим людям? Выходит, не вы одна присматриваете за квартирой? Здесь бывает кто-то еще?

Они уже вошли в лифт. Анастасия Петровна даже в замкнутой пластиковой кабине держалась с неподражаемым достоинством. Вокруг нее словно существовала некая хрустальная оболочка, делающая абсурдной всякую мысль о сближении. У Гурова даже возникло непроизвольное желание подвинуться в сторонку, чтобы неловким движением, не дай бог, не задеть эту драгоценную оболочку. Крячко, кажется, испытывал то же самое. Он был необычно смущен и переминался с ноги на ногу.

– Что вы сказали? – холодно спросила Анастасия Петровна. – Другие люди? Возможно, я некорректно выразилась. Просто я высказала вслух понятную только мне мысль. Разумеется, я не корректирую свои мысли в интересах оперативных работников – отсюда ваше недоумение. Под другими людьми я имею в виду моего брата и, конечно, свою маму. Чужих в квартире не бывает.

– Но это же прекрасно, Анастасия Петровна, – с энтузиазмом произнес Гуров. – Не придется разбрасываться. Выходит, ключи от квартиры имеются всего у четырех человек, из которых, как мы знаем, двое находятся за границей. Логично предположить, что, уезжая, своих ключей посторонним людям они не доверяли. Я ничего не напутал?

Анастасия Петровна пристально посмотрела на него немигающим взглядом.

– Ну, допустим, не напутали. И что же из этого? – спросила она.

– А вот на этот вопрос я смогу ответить, когда мы осмотрим квартиру, – сказал Гуров.

Взгляд, который бросила на него дочь журналиста, можно было мягко назвать недоуменным, и Гуров облегченно вздохнул, когда cabina лифта остановилась и они наконец вышли на ту же самую лестничную площадку, где совсем недавно расстались с Белинковым. Анастасия Петровна, подозрительно покосившись на дверь соседа, уверенно направилась в сторону противоположной квартиры, на ходу вынимая из сумочки ключи. Оперативники следовали за ней на почтительном расстоянии.

– Если пропали какие-то экземпляры из коллекции отца... – недобро сказала Анастасия Петровна, вставляя ключ в замок. – Для него это будет невосполнимая потеря. Я вообще не представляю его реакцию на это. Это будет... это будет...

– Это будет шок, – услужливо подсказал Крячко. – Как у вашего соседа Белинкова, например. Белинкову пришлось даже хуже, поскольку он, так сказать, лично участвовал в событиях. Запросто могли пристукнуть, между прочим.

– Я не очень разбираюсь в милицейском жаргоне, – высокомерно проговорила Анастасия Петровна. – Что это означает – «пристукнуть»?

– Да то же самое и означает, – простодушно заметил Крячко. – Пристукнуть – значит пристукнуть. Так что в любом случае вашему отцу, можно сказать, повезло. А вообще я порекомендовал бы вам поставить в квартиру сигнализацию. Дешево и сердито.

– Спасибо за совет, – сказала Анастасия Петровна равнодушно.

В квартиру она тоже вошла первой, почти не обращая внимания на сопровождающих ее оперативников. Когда ее рука потянулась к выключателю, Гуров вдруг сказал доброжелательным, но категорическим тоном:

– Давайте пока ничего не будем трогать, Анастасия Петровна! А то мало ли... Сначала просто взгляните – ничего необычного в квартире не замечаете?

Хозяйка казалась раздраженной, но все-таки подчинилась. Однако не удержалась от замечания:

– Как же я смогу взглянуть, не зажигая света? У меня сверхъестественных способностей не имеется.

Гуров спокойно достал из кармана носовой платок и через него нажал на кнопку выключателя. Приглушенный матовый свет полился с потолка и осветил отделанную темным деревом прихожую, со вкусом подобранную мебель и какие-то причудливые колючие растения в кашпо на стене.

– Это из Южной Америки, – зачем-то пояснила Анастасия Петровна. – Этот цветок не любит яркого света, но около часа в день рядом с ним нужно включать специальный светильник.

– А когда отпирали дверь, вы никаких затруднений не почувствовали, Анастасия Петровна? – спросил Гуров. – Не показалось вам, что замок испорчен?

– Не показалось, – ответила хозяйка.

Словно забыв о своих спутниках, она вдруг быстро прошла в комнаты. Оперативники слышали, как она перемещается по квартире, открывает какие-то двери, открывает шторы.

– Ну и баба, – шепнул Крячко. – Железная леди какая-то. Не завидую ее студентам – плачут, наверное, кровавыми слезами.

– Зато учатся, – тоже шепотом возразил Гуров.

– Это еще вопрос, – не сдавался Крячко. – Лично я рядом с ней даже русский язык забываю.

– Это у тебя возраст, – сказал Гуров.

Он внимательно рассматривал прихожую, обшаривая взглядом каждый уголок. Наконец его внимание привлек тот самый экзотический цветок, который так странно сочетал в себе неприхотливость и требовательность. Гуров даже подошел поближе и чуть ли не обнюхал каждый росток.

– Нравится? – спросил Крячко. – По-моему, на огурцы похоже. И потом, где же цветы?

– Что выросло, то выросло, – резонно ответил Гуров. – Может, он цветет раз в сто лет, как папоротник?

– Папоротник на Ивана Купалу цветет, – авторитетно заявил Крячко. – Это каждый ребенок знает. Однако, Лева, пока мы тут ботаникой занимаемся, наша дама все возможные улики затопчет.

– Боюсь, нет тут никаких улик, – вздохнул Гуров и опять оглянулся на вьющееся по стене растение. – Разве что...

Но в этот момент в прихожую решительным шагом вошла Анастасия Петровна.

– Наверное, я кажусь вам слишком невежливой, – отрывисто сказала она. – Вот, не пригласила вас пройти. Но, поверьте, я просто слишком взволнована. И потом, мне казалось, что оперативные работники не нуждаются в особом приглашении. Это как бы само собой разумеется.

– Ну что вы, – скромно проговорил Крячко. – Оперативные работники – скромнейшие люди. Без разрешения ни шагу.

Анастасия Петровна подозрительно уставилась на его простодушную физиономию, и Гуров поспешил отвлечь хозяйку.

– Простите, вы что-нибудь обнаружили? – спросил он. – Что-то неожиданное?

Анастасия Петровна пожала плечами.

– По-моему, все в порядке, – с сомнением сказала она. – Если только... Да нет, все в порядке, я думаю.

– Звучит как-то не очень убедительно, – заметил Гуров, испытующе глядя на женщину. – Важна любая мелочь, Анастасия Петровна! Поэтому лучше будет, если вы поделитесь с нами своими сомнениями. У вас что-то пропало, верно?

– Ну, не знаю, – с досадой сказала хозяйка. – Я могу ошибаться. На первый взгляд все ценное на месте. Открытка пропала из отцовского кабинета. Глупость, конечно. Завалилась куда-нибудь.

– Что за открытка? – заинтересовался Гуров.

– Я же говорю, глупость! – повысила голос Анастасия Петровна. – Кому нужна какая-то дурацкая открытка, когда в доме полно вещей, стоящих не одну тысячу долларов?

– Однако же вы почему-то обратили на нее внимание, – настойчиво сказал Гуров.

– Да ни на что я не обращала внимание! – поморщилась Анастасия Петровна, досадуя на бестолковость Гурова. – У отца в кабинете стояла открытка – из Таиланда, кажется, – обнаженная женщина на берегу океана. В довольно вызывающей позе. Открытка яркая, к тому же голографическая, но крайне вульгарная. Она всегда меня раздражала. Она просто заслуживала, чтобы ее выбросили на помойку. Я не сделала этого лишь потому, что отец терпеть не может вмешательства в свои дела. Он может устроить скандал из-за пропавшего спичечного коробка. Предчувствую, что мне еще придется объясняться по поводу открытки, если к приезду отца она не найдется.

– Что было написано на открытке? – поинтересовался Гуров.

– Да ничего там не было написано! – возмущенно отозвалась Анастасия Петровна. – В том-то и дело. Отец купил ее сам – забавы ради. Хотя лично я ничего забавного в этом не вижу. Форменное мальчишество, неприятное в таком солидном человеке... Впрочем, я все чаще убеждаюсь, что у большинства мужчин напрочь отсутствуют и хороший вкус и чувство меры.

– Да, в этом плане мужчины еще сильно отстают, – серьезно заметил Гуров. – Но неужели эта открытка была так ужасна?

– Именно ужасна! – безапелляционно заявила Анастасия Петровна. – И я не понимаю, почему вы так заинтересовались какой-то чепухой. Я совершенно авторитетно заявляю, что все ценное находится на своем месте. Не хотите же вы сказать, что воры приходили сюда, чтобы взять открытку? Я понимаю, что многие из этих людей – извращенцы, но не до такой же степени!

– Значит, вы утверждаете, Анастасия Петровна, что никаких посторонних следов в квартире не обнаружили?

– Ну, поклясться в этом я, пожалуй, не могу, – сказала женщина. – Для этого мне нужно быть до конца уверенной. Но, думаю, звать сюда следователя с собакой, милицию, понятых и весь этот прочий ужас нет никакой необходимости.

– Понятно, – сказал Гуров. – Тогда позвольте еще один вопрос. Вот это растение... – Он обернулся к стене и указал пальцем. – Здесь явно надломлен стебель. Похоже, это чудо природы имеет довольно хрупкую структуру – достаточно слегка задеть пальцем, чтобы повредить цветок. Вы не припомните, при каких обстоятельствах был надломлен этот стебель?

Анастасия Петровна прищурила глаза и мрачно уставилась на цветок.

– А это не вы надломили? – недоверчиво спросила она.

– Ну что вы! – спокойно ответил Гуров. – Обратите внимание – надлом не такой уж свежий. Чтобы окончательно в этом убедиться, предлагаю надломить еще один – рядом.

Анастасию Петровну передернуло.

– Нет, спасибо! – негодуя сказала она. – Избавьте от такого рода услуг! Я и так вижу, что стебель обломили не сейчас. Но когда же? Ничего не понимаю... Неужели я как-то случайно задела? Нет, этого не может быть, я даже не прикасалась! Так ведь и в самом деле поверишь, что кто-то хозяйничал здесь в мое отсутствие. Но это абсурд. Я отказываюсь об этом даже думать. Если только Эдуард...

– Простите, какой Эдуард? – насторожился Гуров.

– Ну да, Эдуард Петрович Гаврилов, мой кровный брат, – сердито сказала Анастасия Петровна. – Кто же еще? У него есть ключи, и он тоже иногда сюда заходит. Кстати, он мог забрать эту открытку – это вполне в его духе. Яблоко от яблони, как говорится... Скандалов он тоже не любит, но ему ничего не стоит сделать вид, будто он не понимает, о чем идет речь. Вполне возможно, что он и цветок сломал. Все, к чему он прикасается...

– Вы, кажется, не очень жалуете своего брата, Анастасия Петровна, – многозначительно заметил Крячко.

– Что это значит «жалуете – не жалуете»? – тут же завелась Анастасия Петровна. – Если я откровенно говорю от том, что мне не нравится, это еще не значит, что вы можете делать из этого скороспелые выводы. Семейные отношения есть семейные отношения – постороннему в них делать нечего. Можете таких дров наломать, господа сыщики... Я не только себя имею в виду, а вообще – на будущее, так сказать.

– Спасибо за добрый совет, – без тени улыбки сказал Гуров. – Семья – это действительно такой темный лес... Вот вроде принято считать, что ближе родственников людей нет. А на деле так бывает, что и родной брат с сестрой – злейшие и смертельные враги. Я, кстати, не вас имею в виду, а вообще.

– Напрасно стараетесь меня поддеть, – надменно произнесла Анастасия Петровна. – Я к этому нечувствительна. Можете упражняться в остроумии сколько вам угодно. Между прочим, если бы вы были внимательны, господин сыщик, вы бы обратили внимание на мои слова, что Эдуард Петрович – мне кровный брат, а не родной.

– Люди по-разному трактуют понятие «кровный», – миролюбиво заметил Гуров. – И я вовсе...

– Так вот, в данном случае, «кровный» означает именно то, что и должно означать, – перебила его Анастасия Петровна. – У нас с Эдуардом Петровичем один отец, но разные матери. Мать брата умерла, когда мне было шесть лет. Примерно тогда я и узнала Эдуарда. Отец взял его к нам в дом. Он был лет на десять меня старше. Естественно, мы никогда не смогли стать совершенно близкими людьми. Ведь самые прочные отношения завязываются в детстве, это общеизвестно.

– Ну, это спорно, – заметил Гуров. – Мне кажется, прочные отношения могут завязаться в любом возрасте. Но в чем-то вы безусловно правы. Наверное, вам было не очень просто привыкнуть к тому, что у вас есть старший брат. В детстве такие вещи имеют огромное значение. Но, я полагаю, впоследствии у вас все-таки было достаточно времени, чтобы привыкнуть к брату. Вообще, по моему мнению, чем больше родственников, тем лучше – никогда не почувствуешь себя одиноким.

– Меня эти проблемы не интересуют, – отрезала Анастасия Петровна и вопросительно посмотрела на Гурова. – Боюсь показаться невежливой, но у вас ко мне еще есть вопросы? У меня мало времени, а еще нужно заняться делами.

– Понимаю, извините, – сказал Гуров. – Мы уже уходим. Только дайте нам адрес брата, пожалуйста.

– Зачем?! – искренне удивилась хозяйка. – Неужели вы еще и к нему отправитесь?

– Придется, – кивнул Гуров. – Ведь если вы были здесь позавчера, а сегодня обнаружили пропажу открытки и сломанный цветок, значит, ваш брат вполне мог здесь появиться вчера. Возможно, он видел что-нибудь интересное.

– Ну, не знаю, – недовольно проговорила Анастасия Петровна. – Если вы настаиваете, я дам вам адрес, но... А впрочем, это его дело! Пусть сам за себя отвечает. Он живет на Долгоруквской улице, дом номер шестнадцать...

Номер квартиры она назвала после некоторой паузы, до последнего момента сомневаясь, что совершает разумный поступок. Лицо у нее при этом было такое, словно она сожгла за собой все мосты и теперь полагается только на судьбу.

– Когда лучше застать Эдуарда Петровича дома? – осведомился Гуров. – Где он работает, кстати?

Анастасия Петровна неприятно усмехнулась.

– По-моему, в данный момент нигде, – сказала она желчно. – Но у него были и лучшие минуты. Эдуард Петрович окончил тот же факультет, что и его отец. Тоже бывал за границей. А одно время Эдуард Петрович даже вел программу на телевидении. Но все это в прошлом, а сейчас... Не знаю, как у вас получится застать его дома. У Эдуарда Петровича очень бурная жизнь.

– Понимаю, – деликатно сказал Гуров. – Но все-таки человек не иголка – рано или поздно найдется, верно?

Глава 4

Где-то высоко по крышам, приближаясь с каждой секундой, пополз раскатистый гром – точно бомбардировщик, идущий в пике. От этого грохота замирало сердце и хотелось втянуть голову в плечи. Снаружи на стекла полетели дождевые капли. Тротуар перед кафе быстро покрывался мокрыми пятнами.

«Интересно, раньше любые человеческие выдумки непременно сравнивали с могучими силами природы, – подумал Гуров. – А теперь все наоборот. Вот и я, услышав гром, первым делом подумал про самолет. Значит ли это, что человек стал более могуч, чем Илья-пророк? Или у него просто прибавилось самомнения?»

– Что будем заказывать? – прозвучал у него над головой женский голос.

Гуров поднял голову. Перед ним стояла молодая официантка – не улыбочивая сероглазая девушка с гладко зачесанными русыми волосами.

– Чашечку кофе, пожалуйста, – сказал Гуров.

– И все? – спросила девушка с заметным разочарованием.

– И все, – твердо ответил Гуров.

Несмотря на все старания утратить нос просвещенной Европе, в сфере сервиса то и дело происходили досадные сбои, и у многих официантов чересчур скромный заказ до сих пор вызывал приступ презрительного изумления. Правда, сдвиги все же имелись. Гуров очень хорошо чувствовал, что сероглазой девушке хочется сейчас сказать: «Кофе дома пить надо!», но огромным усилием воли она подавляет в себе это желание. Гурову стало даже немного жаль бедняжку – подавленные желания плохо сказываются на здоровье.

Однако через минуту он уже забыл об этом – в кафе влетел мокрый, но жизнерадостный Крячко. Обшарив глазами зал, он нашел Гурова и устремился к нему.

– Ты пива уже заказал? – с надеждой спросил он, плюхаясь на стул.

– Пиво вечером пьют, – назидательно заметил Гуров. – После трудового дня. Могу заказать тебе кофе.

– Ты так говоришь, будто пиво и работа несовместимы, – проворчал Крячко. – А ведь это не так, и я в любой момент могу это доказать.

– Ты лучше рассказывай, что узнал по ограблениям квартир, – распорядился Гуров. – У нас мало времени. Мне тут совершенно случайно и по секрету сообщили, что в этом кафе у Эдуарда Петровича Гаврилова назначена встреча. Думаю, минут тридцать у нас в запасе есть, но не более. И еще неизвестно, чем закончится эта встреча. Честно говоря, этот блудный сын начинает меня раздражать. Я все утро пытался застать его – то дома, то в какой-то занюханной редакции, куда он обещал принести сенсационный материал, но так и не принес, то в ресторане, где, по слухам, его сиятельство имеют привычку обедать – однако именно сегодня он своим привычкам решил изменить... Вообще, из разговоров с соседями, барменами и редакторами выяснилось, что Эдуард Петрович типчик еще тот. Постоянной работы вроде бы не имеет, но жизнь ведет рассеянную и даже отчасти шикарную. Обедает в ресторанах, одевается в дорогих магазинах, пьет коньяки. Правда, иногда он пропадает, и тогда его по несколько дней не бывает видно. Но потом все начинается сначала.

– Полагаешь, он занимается чем-то противозаконным? – с интересом спросил Крячко.

– Вероятно, – кивнул Гуров. – Более или менее. Вряд ли, конечно, он грабит соседей своего отца, но присмотреться к нему нужно обязательно.

– Как же мы к нему теперь присмотримся? – удивился Крячко. – Если мы его ни разу не видели?

– В редакции нашлась его фотография, – объяснил Гуров. – Довольно неплохая, хотя и старая. Однако теперь твоя очередь. Выкладывай, что узнал.

– Ну что? Сходных ограблений квартир было до сих пор три – первое на Варшавском шоссе. Там только что сдали большой многоквартирный дом. В апреле этого года. Половина жильцов еще не вселилась, и в то же время кто-то постоянно приходил, уходил, двери нараспашку – в общем, бедлам полный. Когда эта шайка грабнула квартиру, никто ничего толком не понял. Надо признать, момент они прочувствовали очень хорошо. Ну и, видимо, наводка у них была точная. Они обчистили банковского служащего, некоего Лихоимова – не самого крутого, но все равно навар получился приличный. Забрали больше ста тысяч «зелеными» и кучу первоклассной аппаратуры. Просто подогнали грузовик, для отвода глаз набитый всяким барахлом, и без суеты снесли все туда, пока хозяева сидели в дальней комнате под дулом пистолета. Они как раз накануне заселились, отпраздновали новоселье и чувствовали себя и без того скверно.

– Точно по наводке действовали, – заметил Гуров. – Не исключено, что наводчик вместе с хозяевами новоселье обмывал. Аппаратура потом не всплыла?

– Не всплыла, – вздохнул Крячко. – Да и вряд ли всплывет. Грамотно действовали – паспорта на аппаратуру тоже взяли. Поди докажи теперь... А вот насчет наводчика я с тобой не согласен. Знаешь, что я думаю? Скорее всего в том случае кто-то из грузчиков постарался. Для перевозки вещей нанимали людей из агентства – смекаешь? Кто-то из них вполне мог глаз положить на эту семейку. Правда, всех, кто участвовал в перевозке, допрашивали – на первый взгляд все чисто.

– Данные на этих людей... – начал Гуров.

– Я все выписал, – сразу отозвался Крячко. – На всякий случай. Теперь дальше. В мае группа совершила второе нападение. Подчеркиваю это слово, потому что здесь оно подходит особенно. На Красной Пресне обитает некий Воцилов – средней руки чиновник из Гомкомспорта. Как выяснилось, тоже любитель хранить дома кругленькие суммы. Откуда бы, интересно? Следствие этот вопрос не интересовал почему-то...

– Значит, и мы тоже интересоваться не будем, – отрезал Гуров. – Давай по делу!

– Есть по делу! – покорно сказал Крячко. – Значит, тут у бандитов получилась накладка. У Воциловых были гости. Тогда налетчики, недолго думая, воспользовались квартирой напротив.

– Неужели? – восторженно воскликнул Гуров.

– Именно, – подтвердил Крячко. – Не знаю, как уж бандиты догадались о гостях – видимо, в квартире было чересчур шумно, там справляли день рождения, – но они не рискнули напасть на большую компанию. Они просто позвонили в дверь напротив и под дулами пистолетов заставили хозяев их впустить. Там жила супружеская чета – оба художники. Люди не бедные, но в сравнении с чиновником достатка скорее скромного. Но что характерно, бандиты у них совсем ничего не взяли, хотя в доме были довольно ценные предметы искусства. Там был, например, этюд Левитана – чей-то подарок.

– Ясно, валяй дальше, – сказал Гуров.

– Так вот, ничего не взяли, – продолжал Крячко. – Еще и лекцию прочитали, на тему, что людей труда они не трогают. Хотя, строго говоря, людей они как раз тронули – обоих супругов приковали наручниками к трубам в ванной комнате, чтобы не мешали, а сами устроили наблюдательный пункт в прихожей. Терпеливо дождались, пока разгоряченные гости из квартиры напротив разойдутся, и ворвались туда. Представляешь, что чувствовал этот спортсмен? У тебя день рождения, ты размяк после хорошей водки, на дворе поздняя ночь, и тут врывается орда в черных масках! Конечно, этот тип сразу наложил в штаны.

– А что же та супружеская пара? – перебил его Гуров.

– Так и сидели на привязи, пока шла операция, – махнул рукой Крячко. – Один из бандитов за ними присматривал, а трое орудовали у соседа. Когда закончили, супругов освободили и даже пожелали творческих успехов. Те, однако, благодарностью не прониклись и сразу вызвали

милицию. Но грабителей уже и след простыл. Видимо, они очень тщательно спланировали свой отход. Ну вот, потом некоторое время было тихо, а в начале августа ограбили квартиру бизнесмена Райкова в районе Кутузовского проспекта. Собственно, бизнесмен даже не москвич – он из Калуги, но средства ему позволяли держать здесь квартиру и неплохо обставленную, между прочим. Мебель, оргтехника... Основные дела у него были в Калуге, но в Москву он приезжал часто и жил здесь неделю или две, в зависимости от того, как шли дела. В тот раз он провернул удачную сделку и уже собирался уезжать. Приехал переночевать в свою квартиру – один, без подружки и без охраны, – тут-то его и накрыли наши друзья. Не обошлось и без привычных рассуждений о труде и несправедно нажитом богатстве. Богатства, правда, с собой у бизнесмена было не слишком много – всего тысяч двадцать «зелеными» – но после встречи с Робин Гудами совсем ничего не осталось.

– А потом был актер Белинков, – заключил Гуров. – Здесь наши благородные разбойники слегка отступили от своих «высоких» принципов – обчистили человека труда. Возможно, работа актера у них в эту категорию просто не попадает. А вернее всего, сыграла свою роль сумма – уж слишком лакомый кусочек и так плохо лежал, что просто грех было цепляться за какие-то принципы. Но факт остается фактом – в распоряжении следствия нет практически никаких улик. Ясно одно – это не обычные бандиты. Сплоченная дисциплинированная группа, связей в преступном мире не имеющая. Иначе о них давно бы кто-нибудь «стукнул». Но ведь полное молчание?

– Абсолютное, – подтвердил Крячко. – Ребята говорят, профессиональные воры тоже руками разводят. Никто ничего не знает. И, похоже, не врут. Новички действуют, но новички удачливые и талантливые.

– За такой талант поощрить бы их надо, – проворчал Гуров. – Каждому лет по восемь лесоповала... Но пока это на воде вилами писано. Искать надо.

– А ты обратил внимание, что ни в одном случае не применялись ни отмычки, ни фомки? – спросил Крячко. – Все, как мы и думали. Чистая работа – «сезам, откройся» называется. Ну, у нашего человека душа широкая – он всегда дверь откроет когда не надо...

– Я вот на что обратил внимание, – сказал Гуров. – Ограбления произошли в разных районах Москвы, пострадали представители разных слоев общества. И у меня складывается впечатление, что это достаточно случайные ограбления – в смысле выбора цели. Преступники вдруг получают откуда-то информацию, которая кажется им интересной, день-два изучают обстановку, а потом идут и берут добычу. Они не гонятся за запредельными суммами, а удовлетворяются тем, что подбрасывает судьба. По-моему, они именно по такой схеме действуют. Особое внимание уделяется не нападению – здесь все однотипно, – а скорее отступлению. Недаром все четыре раза им удавалось уходить незамеченными. Ну что ж, в порядке, организованности и самообладании им не откажешь.

– И к тому же они еще и «гуманисты», – заметил Крячко, с грустью наблюдая, как официантка ставит перед Гуровым чашку не слишком горячего кофе.

Гуров рассеянно поблагодарил и поднес чашку к губам. На лице его появилась гримаса разочарования.

– Я же говорил, – живо произнес Крячко. – Кофе гадость! Отрава. Тем более в таких местах. А пиво хранится в закупоренной стеклянной таре, где ему ничего не делается...

– Кто про что, а вшивый про баню, – спокойно заметил Гуров. – Я вот хочу сказать, что разыскать наших «гуманистов» будет очень непросто. Потому что нам неизвестны ни их информаторы, ни их связи, ни их планы. Вдруг завтра они решат, что с них хватит, и прекратят преступную деятельность?

– Не решат, – уверенно заявил Крячко. – Жадны очень-с. Сам говоришь, хватают, где попало. А далее и вообще во вкус войдут. У Белинкова-то они особенно хорошо разжились.

Аппетит, он во время еды приходит... Потом профессионалами себя почувствуют, ошибки начнут допускать. Тут-то мы их и накроем!

– В общем, еще каких-то десять тысяч ведер, и золотой ключик у нас в кармане! – усмехнулся Гуров. – Но пока суть да дело, давай-ка понаблюдаем вон за тем серьезным мужчиной, который сейчас заходит в кафе, потому что, кажется, это и есть наш Эдуард Петрович. Вид у него, однако, далеко не дружелюбный. Подозреваю, что будет совсем непросто вступить с ним в контакт.

Здесь Гуров замолчал, потому что мужчина, на которого он незаметно указал Крячко, стремительно распахнув стеклянные двери, уже вошел в зал. Это был среднего роста и плотного телосложения человек, одетый в костюм стального цвета, на рукавах которого темнели пятна от дождевых капель. Несмотря на погоду, мужчина был в черных очках и выглядел немного зловеще. И его слегка обрюзгшее лицо с квадратной челюстью и пухловатыми губами казалось мрачным, как у человека, которого преследуют неудачи.

Быстро осмотрев зал, он тут же прошел к бару и сделал знак бармену. Этому мужчине, кажется, здесь уже хорошо знали.

– Ну что, это и в самом деле Гаврилов? – тихо спросил Крячко.

Гуров кивнул, не сводя глаз с человека у стойки.

– Похоже, он. На фотографию похож, во всяком случае, – сказал он. – Даже очки на месте, хотя сейчас-то они ему не нужны совершенно. Должно быть, Эдуард Петрович чувствует себя в обществе не слишком уютно, коли постоянно старается спрятаться. Да и пристрастие к горячительным напиткам тоже на это указывает.

Бармен поставил перед Гавриловым большую рюмку с темной жидкостью, которую тот мгновенно опрокинул в рот и тут же потребовал налить еще. Со второй рюмкой Гаврилов расправился еще быстрее и, видимо, на какое-то время удовлетворившись, закурил, не отходя от стойки. Он все делал нервно и быстро, словно куда-то опаздывал и каждая минута была у него на счету. При этом на самом деле он никуда не спешил. Это стало ясно после того, как, смяв недокуренную сигарету в пепельнице, Гаврилов направился к дальнему столику и засел там в полном одиночестве, не потрудившись даже позвать официантку. Со стороны он был похож на спящего.

– С похмелюги, – авторитетно заключил Крячко. – Сейчас его чуть отпустило, и он ловит кайф. Не исключено, что теперь жрать захочет.

Крячко как в воду смотрел – минуты через две Гаврилов ожил, поднял голову и замарал рукой попавшейся в поле его зрения официантке. Ждать ему не пришлось – девушка немедленно направилась к нему и приняла заказ. Гаврилов опять закурил и, откинувшись на спинку стула, принялся рассматривать зал. На его физиономии появилось почти удовлетворенное выражение.

– Что я говорил? – победоносно произнес Крячко. – В психологии русского человека я, брат, не хуже Достоевского разбираюсь! Сейчас вот у него на душе такое блаженство, что для него весь мир как праздник. Сейчас ему любой вопрос можно задать – он ответит. Может, пора к нему за столик подсесть, Лева?

Гуров покачал головой.

– Я же объяснял – у него здесь с кем-то свидание. Вряд ли тайное, потому что даже соседи в курсе, но все равно мне хотелось бы сначала посмотреть, с кем он встретится. А на вопросы он мне все равно ответит – куда он денется? Вот если не ответит – мир для него точно потеряет праздничный колорит.

– Не пойму я, он что, всегда сообщает соседям, когда и куда идет на свидание? – спросил Крячко. – Не кажется ли это тебе немного странным?

– Не очень, – сказал Гуров. – Дело в том, что один из соседей – хороший приятель Гаврилова. Вот Гаврилов и сообщил, где можно его найти в случае острой необходимости. А ост-

рая необходимость – это, ясное дело, женщина. У Гаврилова, кроме всего прочего, какие-то сложные отношения с прекрасным полом. Вот и сегодня он ждал даму. Ждал-ждал, но не дождался...

– Значит, здесь у него свидание с женщиной, – заключил Крячко. – Только самоубийца сообщил бы о своем местопребывании даме, если бы случилось обратное.

– А вдруг у Гаврилова склонность к самоубийству? – заметил Гуров. – Такие случаи бывают, особенно у лиц, злоупотребляющих алкоголем. Во всяком случае, скоро нам представится возможность это проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.